

фантастическая
история

Валерий Елманов

Крест и посох

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

фантастическая
история

Цикл

«Лал — камень любви»

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА
НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОЛКОВОДЦЕМ
ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА

Цикл

«Эффект стрекозы»

НАЙТИ СЕБЯ
ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО?
ПРАВДИВЫЙ ЛОЖЬЮ
ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ

Цикл

«Обреченный век»

КНЯЖЬЯ ДОЛЯ
КРЕСТ И ПОСОХ

МОСКВА, 2011

фантастическая
история

Валерий Елманов

Крест и посох

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Юрию Алексеевичу Потапову — замечательному человеку, дружбой с которым я горжусь и который не раз оказывал мне неоценимую поддержку в самые трудные периоды моей жизни, посвящается эта книга

Глава 1

Я ПОНЯЛ, НО Я НЕ ХОЧУ

Ну как встанет,
ну как глянет
из окна:
«Взять не можешь,
а тревожишь,
старина!..»

Иннокентий Анненский

Это произошло в один из последних весенних дней, во время обязательного послеобеденного отдыха, которому с упоением предавалась средневековая Русь.

Константин Орешкин, еще совсем недавно обычный учитель истории, а теперь волею каких-то неведомых сил оказавшийся в теле одного из удельных рязанских князей, привычно лежа на своей удобной постели и не желая празднично валяться без дела, а спать среди бела дня он так и не привык, в очередной раз неспешно размышлял о превратностях судьбы.

Почему-то именно ему, самому простому и заурядному человеку, за всю свою жизнь ничем не отличившемуся, выпала такая загадочная, почти сказочная участь — оказаться в средневековой Руси начала тринадцатого века.

Угораздило его попасть в те благословенные времена, когда ни один князь в той же Рязани совершенно не опасался внешних врагов, а все силы и помыслы многочисленных правителей, каковых в нем одном насчитывалось более десятка, были направлены исключительно на козни ближайшим соседям внутри самого княжества.

А чем еще заняться, когда о татарах пока никто и слыхом не слыхивал, да и половцы, неоднократно битые за последние годы, тоже изрядно присмирели, чему в немалой степени поспособствовали частые свадьбы русских князей, особенно из числа близких к Дикому Полю¹, на дочерях самых знатных половецких ханов.

Сам Константин, как оказалось, тоже был женат на половчанке, в крещении получившей имя Фекла и собравшей в себе, к великому сожалению, все самые плохие черты двух народов.

Но это был один из тех немногих минусов, на которые он закрывал глаза. Уж очень их было мало по сравнению с внушительным количеством жирных увесистых плюсов.

Да одно то, что он был на Рязанщине князем, хотя и удельным, имеющим всего несколько небольших городков, напрочь перекрывало все имеющиеся недостатки.

К этому не грех добавить, что тело, которое ему досталось, выглядело весьма и весьма... Не супермен, не Шварценеггер, но мускулатура достаточно впечатляющих размеров.

Только одно слегка отравляло пребывание Константина в этом мире — непонимание, ради чего его, собственно, сюда зашвырнули.

Ну ладно, если бы произошла какая-то там накладка, какой-то случайный пробой во времени и пространстве. Тогда конечно — живи и радуйся.

Но ему же предложили участие в неведомом эксперименте, причем ни черта, по сути, не объяснив, а только сказав, что его родная планета уцелеет, лишь если он закончится успешно, то есть если Константин все сделает так, как надо.

Вполне естественно, что напрашивались сразу два вопроса: что именно он должен сделать и как надо это сделать. Впрочем, со второй частью можно было бы и обождать — тут хотя бы с первой разобраться.

Вот что ему сказал представитель не пойми кого, кото-

¹ Д и к о е П о л е — историческое название территории придонских степей между Доном и левыми притоками Днепра и Десны. — *Здесь и далее примеч. авт.*

рый очень мастерски весь последний вечер пребывания Кости в двадцатом веке изображал его случайного соседа по вагонному купе?

Орешкин в очередной раз припомнил весь разговор в деталях и уже привычно загнул три пальца, с грустью уставившись на них.

Первый означал собственное поведение Кости, то есть с ним более-менее ясно, и особых загадок тут нет, хотя какие критерии в ходу у тех незримых, кто сидит где-то там наверху и наблюдает за ним, тоже неизвестно, поэтому оставалось вести себя естественно, и... будь что будет.

Зато второй загнутый палец, напоминающий о людях, которых надлежит спасти, вызывал уйму вопросов. Каких именно людей? Когда? От чего? Хоть бы намекнули, а то ж вообще ничего!

Да и третий палец — противостояние наблюдателя неких враждебных человечеству сил — тоже вызывал не меньше, если только не больше вопросов, начиная с самых главных, касающихся его розысков. Кто этот наблюдатель? Где его искать? Чем он сейчас занят, то есть в чем противостоять?

Поначалу мелькала у него мысль, что, возможно, из-за произошедшей накладки, связанной с тем, что в тот же вихревой поток времени угодили по досадному недоразумению еще три человека, от Кости уже ничего не требуется, ибо он попал совершенно не туда, куда его планировали закинуть, отсюда и это загадочное молчание.

Но потом, логически поразмыслив, он пришел к выводу, что таких детских ошибок никогда бы не допустили даже мало-мальски серьезные ученые на Земле, а что уж говорить о тех, кто сидит где-то высоко-высоко, неотрывно смотрит на него и все время чего-то от него ждет.

Впрочем, ворох повседневных событий, забот, хлопот и проблем, большинство из которых требовали непосредственного участия князя, практически не оставляли Константину свободного времени, чтобы без конца ломать голову над этими вопросами.

Единственные часы, когда он не был загружен, — это полуслепленный сон, к которому истинный житель двадцато-

го века так и не привык. Обычно в эти минуты он подводил итоги сделанного и планировал все остальные дела. Но о чем бы он ни размышлял, в конечном счете все его мысли вновь и вновь возвращались к трем загнутым пальцам.

Не раз и не два он, закрыв глаза, силой своего воображения даже вызывал из памяти своего попутчика, который, собственно говоря, и предложил ему вроде бы как полушутя, но на самом деле всерьез, принять участие в этом загадочном эксперименте.

Вот и сегодня Константин, в очередной раз представив его благообразное лицо с золотым пенсне, ловко сидящим на породистом носу, и пышной шапкой седых волос, обратился к своему видению с просьбой о подсказке. Однако туманный силуэт по-прежнему продолжал оставаться глухим ко всем его мольбам.

— Ну хоть одним словечком, хоть намеком, — взывал Костя, мрачно предчувствуя неизбежный конечный результат своих усилий, и не ошибся в своих пессимистических прогнозах. — Ну и иди к черту, — раздраженно буркнул он.

Эту команду попутчик почему-то всегда исправно слышал и охотно ее выполнял, мгновенно исчезая.

— Сами разберемся как-нибудь, — продолжал ворчать бывший учитель истории. — Не сегодня, так завтра. А нет, так добрыми делами рассчитаемся. А уж они там наверху пусть сами думают — хватит их или нет.

— А тут и думать нечего, — раздался хриловатый голос откуда-то снизу, со двора. — Точно тебе говорю: не хватит. Мало их у тебя. Да и сами они какие-то квелые да мелкие.

У Константина от неожиданности поначалу даже перехватило дыхание. Это кто ж ему все-таки сподобился ответить? А обладатель хриплого голоса между тем продолжал поучать:

— Не там ты искал, ой не там.

«А где?» — едва не сорвалось у Константина с языка, но он вовремя сдержался.

Зато вместо него всего одним мгновением позже тот же вопрос задал кто-то другой, очевидно, собеседник хриплого, и сразу получил исчерпывающий ответ:

— Крутую лошину у Долгого болота знаешь?

— Ну?..

— Там еще овраг идет. А в овраге том родник бьет сильный. Ручей от него, что в болото бежит, в любой холод не замерзает. Вот там грибов видимо-невидимо.

— Тыфу ты черт! — в сердцах сплюнул Константин, до которого наконец дошло, что это разговаривали двое дворовых людей, которые просто по случайности остановились под открытым окном княжьей опочивальни, а стало быть, никакой мистики, а уж тем паче подсказки в их словах искать не имеет никакого смысла.

Он разочарованно вздохнул, но почему-то по-прежнему продолжал прислушиваться.

Голоса меж тем постепенно стали удаляться, но через распахнутые окошки из настоящего, хотя и мутноватого венецейского¹ стекла они доносились еще достаточно отчетливо.

— А ты не плюй, не плюй. Ты мне поверь, уж я знаю, — не унимался обладатель хриплого голоса.

— Да и страшно там, — вяло возражал собеседник. — Люди сказывали, нечисто в тех местах. Опять же от ручья хлад в самый знойный день ползет, будто прячется там от солнышка жаркого.

Услышав слово «хлад», Константин вздрогнул.

Только при одном воспоминании о пережитом в овраге ему сделалось как-то неуютно и зябко. Сколько раз он убеждал себя, что все это ему пригрезилось из-за полученной тяжелой раны и обильной кровопотери, находил уйму дополнительных аргументов — преломление солнечных лучей, скрещивание геомагнитных полей и прочее, но в глубине души...

Впрочем, туда он как раз не заглядывал — уж очень страшно, а от полного непонимания произошедшего становилось страшно вдвойне.

Именно поэтому он сразу же заметил себе, что это не более чем совпадение, вот и все.

— Ну так и что? И пусть страшно чуток, — вновь раздался

¹ Венецкыми славяне называли товары, привозимые из Венеции.

хриплый голос. — Это ж поначалу токмо. А ты пересиль себя, перемоги. Мужик ты или кто?

И вновь Константину стало не по себе.

Какое уж тут совпадение?! Все-таки это был явный намек. Причем прозвучал он настолько недвусмысленно, что даже не позволял никакой иной трактовки, кроме одной-единственной.

Разговаривавшие к тому времени отошли совсем далеко, о чем свидетельствовали их голоса, перешедшие поначалу в глухое бу-бу-бу, а затем и вовсе пропавшие.

— Стой! — сорвался со своей ложницы Константин и как ошпаренный стремглав метнулся к оконцу.

Он даже высунул наружу голову в поисках тех, кто только что лениво чесал языком подле княжеских покоев.

Зачем они ему понадобились, Орешкин и сам бы не смог объяснить, ведь даже если их слова и впрямь были каким-то намеком, то вполне понятно, что они являлись не чем иным, как слепым орудием судьбы, и знать ничегошеньки не могли, включая обладателя хриплого голоса.

Хотя остановить их у него все равно не получилось.

Когда он посмотрел вниз, двор был уже девственно пуст и только пара куриц, невесть как пробравшихся сюда с птичьего двора, с важным видом вышагивали одна за другой в поисках остатков какой-нибудь еды.

Однако и того, что Константин уже успел услышать, вполне хватало, чтобы окончательно решить загадку одного из загнутых пальцев — овраг, ручей, а главное — Хлад.

«Вот тебе и ответы — кто этот пакостный наблюдатель, как его зовут и где его искать», — мелькнуло в голове.

Он зябко передернул плечами, и в его памяти вновь всплыло все то, что некогда приключилось с ним самим.

«Ну там наверху, конечно, молодцы сидят. Одно слово — титаны мысли. Просто гении. Оказывается, им от тебя, Костя, практически ничего и не нужно. Так, небольшой пустячок. Всего-навсего пришибить вековечный ужас, который неизвестно откуда взялся и неведомо насколько силен. Причем неясно даже, есть ли вообще предел у его силы, а также как именно он передвигается, распространяется, размножается и питается. Хотя по последнему пункту это я загнул.

Чем он питается — я знаю прекрасно. Человечиной. — И, вздохнув, добавил себе в утешение: — Видишь, что-то о нем тебе уже известно. Еще раз встретишься — будешь знать больше... Если уцелеешь, конечно».

Он поежился и внимательно посмотрел на пальцы рук.

«Да ты уже весь трясешься, — несколько ненатурально подивился он. — Разве сейчас холодно? А как же ты на встречу с Хладом поедешь?» — И сам весь передернулся от таких слов, после чего вытер холодную испарину и, задрав голову к потолку, осведомился:

— И чем же это он вам помешал, дорогие мои? Зверюга, конечно, та еще, что по страхолюдности своей, что по аппетиту. С каких пор комары в состоянии охотиться на слонов? А даже если и найдется такой сумасшедший комар с фамилией Орешкин, то неужели не ясно, что эта охота закончится гибелью комара, вот и все? Вы чего там наверху, окончательно сбрендили?

Потолок лениво молчал, давая понять, что просьба исполнена в самом наилучшем виде, все соответствующие подсказки даны, а там уж пусть поступает как хочет.

Константин в поисках потенциального собеседника перевел унылый взгляд на вмятину, образовавшуюся на подушке от его же головы, и продолжил:

— А если вы это решили мне предложить в виде теста на логику мышления, так тут я вообще пас. Ладно, из задачи с тремя неизвестными — поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что, и убей его тем, не знаю чем, — два ответа вы мне дали, за что вам низкий поклон, отцы родные. Век не забуду. Теперь бы еще с последним ответом выручили — ведь я же понятия не имею, как с ним драться. Кстати, а его вообще возможно убить? Ну хотя бы теоретически?

Он умолк, переводя дыхание, но пустое изголовье тоже безмолвствовало. Костя почесал в затылке и лукаво заметил:

— К тому же где его искать, я тоже не знаю. Между прочим, тот ручей тянется не на одну версту, — добавил он в свое оправдание последний аргумент, который должен был окончательно реабилитировать его панический страх перед неведомым злом в своем чистом первоизданном виде и пол-

ностью оправдать отчаянное нежелание встречаться с ним вновь.

Довод действительно звучал убедительно. Константин собрался уж было облегченно вздохнуть, как вдруг за окном раздался звонкий женский голос:

— Ищи-ищи. А коли не сыщешь, так он сам тебя сыщет. Ужо тогда тебе и впрямь не поздоровится.

— Да что же это такое?! — плачущим голосом взмолился Костя, снова высовываясь в оконце.

На сей раз он увидел обладателя голоса, хотя это ничего ему не дало: обыкновенная баба, которая, козырьком приставив к голове руку, чтобы солнце не мешало, упрямо вглядывалась куда-то в даль.

Вроде бы вновь никакой мистики, но вместе с тем это было уже вторым рядом совпадением с ходом мыслей Константина, причем таким же удачным, как и первое.

Пожалуй, слишком удачным, чтобы оказаться просто совпадением.

— Кого отыскать-то хочешь? — без обиняков спросил он у бабы.

Та, вздрогнув от неожиданности, принялась бестолково крутить во все стороны головой и догадалась задрать ее вверх лишь после повторного вопроса князя.

— Да малой у меня шустер больно, княже. Пряслицем¹ моим розовеньким поиграться вздумал, ну и утерял.

«Самое простое совпадение и ничего больше, — попытался уверить себя Костя и облегченно проглотил подступивший к самому горлу какой-то тугой и твердый комок.

— Хоть весь вражек перерой, а сыщи! — сердито закричала в это время женщина.

— Кого?! — даже закашлялся от неожиданности Константин.

— Так ведь он там с им игрался, егда за ягодами бегал.

¹ П р я с л и ц е — каменный грузик с дырочкой посреди, надевался для весу на веретено. Розовый цвет, указанный женщиной, говорит о том, что изготовлено оно было из специфического камня — розового шифера, залежи которого имелись на Воляни и в Среднем Приднепровье. Местные жители изготавливали из него пряслища, а затем коробейники разносили их уже в виде готовых изделий по всей Руси.

У Долгого болота вражек-то. Стало быть, там и искать надобно, — простодушно пожала плечами она.

— Ну да, ну да, — машинально закивал Константин.

Спрашивать, кто сыщет этого мальчика, если тот не найдет пряслица, Константину расхотелось. И без того было понятно, что в ответ он получит какое-нибудь простое и логичное объяснение, вроде строгого батеньки или старшего брата.

А кто найдет его, Константина, если он не поторопится, ему, к сожалению, тоже было ясно.

Даже слишком.

В голове его вертелась только одна мысль, но она была явно не о поездке к какому-то оврагу и отнюдь не о встрече с Хладом. Скорее уж совсем наоборот — как бы от нее все же отвертеться.

«В любом случае просто так, с голыми руками, на него выходить бесполезно», — включил он в который раз логическое мышление, объясняя свое упорное нежелание ехать на встречу с неведомым злом. — Ну ладно, что я еще с духом не подсобрался, хотя хороший психологический настрой в таких делах достаточно важен. Так я же вообще ничего о нем не знаю. Так, ерунду какую-то, из того, что мне Доброгнева рассказала, и все. Не-ет, тут выждать надо. Сведений побольше раздобыть, да и со знатоками посоветоваться тоже не помешало бы. А уж потом, так сказать, во всеоружии, можно начинать поиск его норы», — оправдывался он то ли сам перед собой, то ли перед тем неведомым подсказчиком, который, судя по всему, теперь ждал от него незамедлительных и решительных действий.

Все. На этом тема была исчерпана. Но не забыта.

«А коли не сыщешь наперед его, так он сам тебя тогда сыщет», — раскаленным гвоздем засело у него в мозгу.

И Константин прекрасно сознавал, что в отличие от того мальчика ему самому действительно не поздоровится, после чего он впервые за все время пребывания в княжеском обличе напился. Причем нализался мертвецки, так, что даже сам себя не помнил.

Наутро он встал хмурый и больной, однако похмеляться не стал, исходя из парадоксального, но в чем-то оправдывающего себя принципа: «Чем хуже — тем лучше».

Где-то к полудню, едва придя в себя, он честно и добросовестно попытался выяснить у Доброгневы хоть какие-нибудь дополнительные сведения о Хладе.

Однако девушка была на удивление суха и немногословна. Она-де все, что ведала и слышала от своей бабки, рассказала князю еще тогда, в овраге, а больше ей ничего не известно.

В довершение же ко всему ведьмачка окончательно добила Константина тем, что чуть ли не дословно повторила слова той бабы с утерянным пряслицем:

— Ты бы не думал о том. А коли свидеться восхотелось, так *он* и сам тебя, княже, сыщет. Токмо что тогда делать станешь? Я уж для той свиданки воду родниковую завсегда близ изголовья твоего оставляю, а в ней оберег серебряный.

Константин растерянно посмотрел на кубок и заглянул внутрь, после чего вытаращил глаза.

Действительно, лежащий на дне серебряный кругляшок был несколько необычен.

Как ни странно, но на нем не было ни изображения богородицы¹ с младенцем, ни отдельно самого Иисуса, ни кого-либо из святых. Вместо них в круге красовалась страшная женская голова, больше всего напоминающая горгону Медузу или какую-нибудь из ее двух сестер, поскольку, помимо них, Орешкин не знал ни одного персонажа, которые имели бы вместо волос змей.

Вдобавок вода слегка колыхалась, так что и змеи, казалось, тоже извиваются, норовя выбраться из головы женщины и отправиться в свободное плавание.

— Это оберег? — недоуменно переспросил он.

— Оберег, — подтвердила Доброгнева.

— А ты ничего не напутала? — продолжал сомневаться он.

— Не могла я напутать, — мотнула головой ведьмачка. — Баушка пред своей смертью токмо его и отдала, да еще сказывала, чтоб хранила я его пуше собственного ока, ибо в нем древляя силушка сокрыта. — И туманно пояснила, чтобы

¹ Здесь и далее, чтобы соблюсти равноправие и справедливость — ведь не пшем же мы Бог Сварог, Бог Перун, Богиня Мокошь и т. д., к словам бог, господь, всевышний, богородица, аллах, и т. д. автор применил правила прежнего советского правописания.

окончательно убедить князя: — Из настоящих он, из доподлинных, тех, что еще Мертвые волхвы делали, покамест из Руси не ушли.

Константин почесал в затылке.

Упоминание о каких-то Мертвых волхвах сыграло скорее наоборот, не убедив его, но влив новые сомнения. Да еще эти змеи, которые неведомый резчик изобразил как живых.

Он присмотрелся повнимательнее. Оказывается, медальон имел крохотную дырочку, расположенную чуть выше лба женщины.

— А дырка зачем? — поинтересовался он, по-прежнему не решаясь пригубить из кубка.

— Баушка сказывала при себе его нашивать али на грудь своему суженому надеть, коль ему беда грозить будет али на лютую сечу поедет.

— Суженому... — задумчиво протянул Орешкин.

— Сам сказывал, что названная сестра куда дороже жены, — напомнила травница. — Вот я и надумала, что тогда, выходит, и названный брат куда дороже мужа. — И добавила, перефразировав слова князя: — Мужа-то, коль не люб, можно и в монастырь, а уж брат — тот навеки.

Константин усмехнулся. И впрямь звучало забавно — мужа и в монастырь.

«Чай, не среди амазонок живем, чтоб так вот с мужиками обращаться», — едва не сорвалось с его языка, но, посмотрев на суровое смуглое лицо ведьмачки, он сменил точку зрения.

И впрямь в каждом правиле есть исключения, и вроде бы одно из них как раз перед ним.

Это с ним она белая и пушистая, хотя временами может и поворчать, пускай и беззлобно, и сыронизировать, а уж что касемо всех прочих мужиков, то тут только держись. Так отбреет — и к парикахеру идти не надо.

Как она ему некогда сказала, честь названной княжеской сестры ее к тому обязывает.

— Что-то не хочется мне это пить, — смущенно заметил Константин. — Уж очень они... живые.

— А тебе ее и не надо пить, — пожала плечами она. — Я его

не для того тебе в изголовье поставила. Он для иного назначен.

— Для иного? — нахмурился Константин.

Доброгнева замаялась. Лишний раз говорить о том страшном ей тоже не хотелось — боялась накликать беду, но пояснить требовалось, и потому она нехотя подсказала:

— Ежели... что... Словом, плеснешь на *него* — все надежда какая-то. Вдруг *он* сызнава испужается. А уж на третий раз... — Она, не договорив, осеклась на полуслове, но окончание фразы и без того было ясным для Константина.

— Понятно, — глухо проговорил он и, ссутулившись, пошел к себе в покои.

А травница жалостливо смотрела ему вслед.

Так она глядела только в случае, если ей попадался тяжелый больной. Или безнадежный.

Князя можно было смело приписать к числу последних.

А Константин после таких малоутешительных новостей ближе к вечеру вновь напился.

Правда, не так старательно, как накануне, но тем не менее принял на грудь достаточно, чтобы хоть немного, но забиться, и пусть на время, но избавиться от этого липкого, ледящего сердце страха, который похоронными ударами колокола продолжал стучать в его голове: «*Он... сам... тебя... сыщет... — И дальше почти загробное: — А уж... на... третий... раз...*»

До конца заглушить его Константин так и не смог, поняв, что для этого надо вновь нализаться до потери пульса, но звучал он уже как-то тихо и не столь зловеще. Словом, терпеть было можно.

Утром он вновь мучился похмельем, но честно держался до самого вечера, когда вновь приложился к хмельному зелью, твердо пообещав себе, что уж это в последний раз — мужик он, в конце-то концов, или нет?! А раз мужик, значит, к черту сопли, надо сесть и всесторонне обмозговать возникшую проблему, после чего подумать, что тут можно предпринять.

И делать это, разумеется, строго на трезвую голову.

Но он не успел...

Глава 2 ВТОРОЙ ВИЗИТ

Не суетись, мой друг! Пора
Расправить выгнутые плечи,
Зажги же праздничные свечи...
Ведь с Дьяволом пошла игра.

Леонид Ядринцев

— А ведь вроде и мало выпил, — бормотал себе под нос Константин, пробираясь по ночному лабиринту коридорчиков, галереек, лесенок и переходов в свою опочивальню. — Не-ет, завтра точно завяжу. Как там говорится? Бог троицу любит? Вот-вот. К тому же я за эти три дня так проспиртовался, что Хлад мне не только сегодня не страшен, но и в ближайшую неделю, а потому бояться нечего. Даже если он и придет, то уж точно со мной ничего не сделает. Стоит мне на него лишь дохнуть, как он мигом ласты свои откинет.

Но думать о возможном визите неведомого чудища пьяному князю все равно не хотелось, и мысли, повинувшись пожеланию хозяина, тут же угодливо свернули в другую сторону.

— Вот, кстати, о ластах. Интересно, а как эта сволочь передвигается? У него вообще-то конечности имеются или он все больше ползком? А голова? Головы-то я у него в овраге тоже не приметил.

В это время он в очередной раз напоролся на какой-то угол, зашипел от боли и с еще большим энтузиазмом пообещал самому себе с завтрашнего дня завязать, причем решительно и однозначно.

— Самое большее — один кубок. Ну ладно, пусть два, — спустя несколько секунд уточнил он свое обязательство. — Но два точно предел. Причем не чаще раза в неделю и лишь во время пира. Иначе и впрямь спиться недолго. А Хлад? Ну и что с того, что он Хлад. Подумаешь. Собачка он страшная и больше ничего, как говаривала одна моя хорошая знакомая, дай бог памяти, как же ее звали? О, вспомнил. Кажись, Иришкой кликали. Ну вот, с шутками и прибаутками я вроде бы и добрался. — Он брякнулся на кровать и энергично

помотал головой, пытаясь хоть немного согнать с себя пьяный дурман.

Мед на средневековой Руси и впрямь был чертовски коварной штукой.

Довольно долгое время он почти совсем не касался головы пьющего, но едва тот вставал на ноги, как начинал понимать — перебор, поскольку нижние конечности наотрез отказывались служить своему хозяину. Они ступали не туда, куда следовало, поворачивали, когда надо было шагать прямо, и вообще порывались вести исключительно самостоятельный образ жизни, требуя свободы и автономии от тела и от головы.

В результате Константин по дороге не меньше пяти-шести раз ухитрился стукнуться о различные углы, причем в строгом соответствии с законом подлости напарывался на них преимущественно раненой ногой, да еще с такой силой, что тонкая пленка молодой кожи в одном месте дала изрядную трещину, сквозь которую незамедлительно просочилась кровь.

Правда, когда он, уже сидя на своей постели, стянул с себя верхние штаны, то ничего не обнаружил, оставшись в уверенности, что все в полном порядке.

Впрочем, он особо и не осматривал — до того ли. К тому же стаскивать с себя холодные порты¹ для осмотра повязки — такая трудоемкая процедура, что на пьяную голову ею лучше не заниматься.

Нет, если бы боль оставалась, то он, возможно, и попытался бы проверить, но хмельной мед — прекрасная анестезия, поэтому Константин предпочел просто завалиться спать и блаженно откинулся на своей постели.

Мутило изрядно, и уснул он не сразу, поворочавшись, стараясь улечься поудобнее, так что от резких движений трещина пошла дальше. Но то, что повязка на ноге насквозь пропиталась свежей кровью, Орешкин уже не ощущал, поскольку намертво отключился.

Спустя всего час в его опочивальне появился Хлад.

Он вполз медленно, не торопясь, не спеша продвинулся к

¹ Исподнее белье. Славяне носили его даже летом и спали тоже всегда в нем.

ногам и осторожно принялся обвивать обе ступни в своих ледяных скользких объятиях.

Запеленав их полностью, он так же медленно, но уверенно двинулся далее, сковывая холодом княжеские лодыжки, забираясь под порты и все сильнее и сильнее стискивая колени Константина.

Орешкин пробудился довольно-таки быстро, но продолжал лежать, будучи не в силах пошевелиться, закричать, позвать на помощь, хотя прекрасно все осознавал и понимал, что это надвигается его неминуемый конец, причем даже более страшный, нежели сама смерть.

Сгусток чего-то неизмеримо более кошмарного и ужасного, сущность которого была враждебна не только всему живому, но даже и мертвому на Земле — скалам, песку и прочему, — алчно жаждал поглотить его в своих жутких объятиях, а поглотив, растворить, превратив в частицу самого себя, отрицающего все и вся в этом мире, на этой планете, да и вообще во всем разумном Космосе.

Константин попытался протянуть руку к шнурку с привязанным колокольчиком, но понял, что сделать это не в силах, хотя его пальцы находились всего в каких-то миллиметрах от витой красной нити.

Тогда он, стиснув зубы, с силой напряг не здоровую, а раненую ногу, пытаясь приподнять ее и разбудить боль, спящую в ней, которая, как это ни парадоксально звучало, могла стать его союзницей.

Князь сам не знал, почему он так решил, но был уверен, что прав.

Приподнять ногу ему не удалось, зато черная мгла, чувствуя возросшее сопротивление человека, еще крепче сдавила ее, причинив при этом невероятные мучения. Но даже они не смогли помочь князю разжать зубы и издать хотя бы слабый стон, в надежде, что его смогут услышать.

Зато Константин наконец сумел пошевелить онемевшими, по-прежнему бесчувственными пальцами правой руки и передвинуть их чуточку поближе к шнурку. Еще один миг, и он, напрягшись изо всех сил, слегка ухватил его двумя пальцами и резко дернул.

В сенцах, близ колокольчика, находился на часах вечно

сонный дружинник со странным именем Буней. Так нарекла его плененная русским воем мать-половчанка. Спал он крепко и беспробудно, но на счастье Константина именно в этот миг по двору проходила Доброгнева, возвращаясь из места, куда, как принято говорить, и короли ходят пешком.

Колокольчик звякнул лишь один раз, и то еле слышно, но у девушки был очень острый слух, и она мгновенно остановилась, затаив дыхание и ожидая нового звонка, которого все не было.

Прождав с минуту, Доброгнева уже махнула рукой — задел, поди, князь случайно и все — и хотела идти далее в подклеть, где и была ее каморка. Но тут острая игла осознания того, что в княжьей опочивальне творится что-то страшное, больно впиалась ей в грудную клетку куда-то пониже сердца.

Не чуя под собой ног, она бросилась бежать вверх по лестнице на крыльцо, а оттуда по кажущимся бесконечными галерейкам и коридорчикам, добравшись наконец до княжьей светелки.

Тяжко и смрадно пахло в ней погасшими восковыми свечами, которые, не прогорев и до середины, все как-то разом почернели и потухли. К ним добавлялся время от времени еще один запах, омерзительный и удушающий, как будто приносимый порывами неведомого подземного ветра.

Такой запах не мог издавать даже давно разложившийся человеческий труп, но лишь мертвое, никогда не бывшее живым и враждующее абсолютно со всем, оставляло этот знак как клеймо, говорящее о пребывании здесь мрачного и полновластного хозяина.

Сам Хлад клубился уже на уровне пояса князя, жадно впитывая в себя его жизненные соки и тут же перерабатывая их во что-то мерзкое и чуждое.

Распахнув дверь в опочивальню, Доброгнева поначалу несколько секунд не могла сдвинуться с места при виде всей этой ужасающей картины.

В чувство ее привел, как ни странно, запах. Будучи необычайно гнусным, он не только перехватывал дыхание, но и вызывал неудержимую тошноту.

Девушку тут же вырвало на пол, что принесло толику облегчения, и она обрела возможность двигаться.

Странное оцепенение пропало, и с диким визгом, мало напоминающим человеческий, она подскочила к изголовью, ухватила один кубок с питьем, другой, третий и принялась беспорядочно выплескивать их прямо на черный клубящийся сгусток неведомого врага.

Только в одном из них была родниковая вода, настоящая на серебряном обереге, но, по счастью, хватило и этой малости.

Клубок черноты недовольно запульсировал, задержался и стал смещаться вначале к ногам князя, нехотя высвобождая тело из своих смертоносных объятий, а затем и вовсе неторопливо сполз на пол.

— Батюшка Перун! — в отчаянии воззвала она, но при этом почему-то повернувшись к иконам и уставившись на изображение Иоанна Предтечи. — Ты же сильнее порождения сатанинского, так почему же взираешь безмолвно на козни дьявольские? Почто не истребишь врага рода человеческого? Порази его молоньей гнева своего! — И она, облегчая могучему славянскому богу задачу, даже указала рукой, что именно надлежало ему поразить, но сгустка на полу уже не было.

Тварь то ли уползла в одно из укромных мест, то ли попросту исчезла, мгновенно переместившись в пространстве, то ли...

Убедившись в ее отсутствии, Доброгнева облегченно вздохнула, но сразу ойкнула, зажав себе рот, и виновато покосилась на иконы.

Фиолетово-вишневый мафорий¹ богородицы в полумраке комнаты незаметно для глаза сливался с ее сапфирово-синим хитоном, отчего казалось, что она была одета во что-то сумрачное, монашеское.

Впрочем, и в одеянии Иоанна Предтечи различий в цвете одежды тоже не наблюдалось — все смотрелось почти черным. Только тоненько посверкивали кое-где золотые полосы на хитоне и гиматии младенца Христа.

Она медленно перекрестилась и склонилась в земном поклоне.

¹ Верхняя одежда; длинное женское покрывало, спускающееся с головы до пят.

— Коли изничтожили вы его — вечная благодарность, ну а коли отогнали просто — и на том низкий поклон. А уж кто в том более потрудился, кто менее, не мне, глупой девке, судить.

И тут за окном ослепительным зигзагом прочертила огненный след молния. Следом вторая и почти сразу третья, после чего совсем рядом раздался басовитый раскат грома.

Она спохватилась и бросилась к окну. Распахнув створку, Доброгнева чуть ли не до пояса высунулась наружу и громко выкрикнула:

— И тебе поклон, батюшка Перун! Жаль токмо, что припозднился ты малость, но хоть теперь, сделай милость, догони *его* и покарай своими стрелами!

Некоторое время она еще смотрела наверх, словно ожидала, что грозный громовержец явит ей свой суровый лик среди мрачных туч, клубившихся над Ожском, но, так и не дождавшись, с легким разочарованием вынырнула из окна и огляделась по сторонам.

К тому времени удушающий запах почти исчез, а вскоре, зажженные ее заботливой рукой, вновь запылали свечи и затеплилась лампадка у Деисуса¹, непрерывно чадя и потрескивая.

Теперь князь.

Доброгнева вернулась к лежащему и принялась хлопотать. И все это время, пока она снимала старую повязку, обмывала рану, заново бинтовала ногу, травница не переставала с уважением поглядывать на Константина.

Ай да названный братец ей попался! Таким перед прочими и погордиться незасорно.

Ведь получалось, что коли этому страшному существу понадобился человек, лежащий сейчас без сил на своей постели, то ясно как день, что ему уготована славная судьба и свершение великих деяний.

И сразу вздрогнула от мысли, невольно пришедшей в голову: «Вот только успеет ли он их свершить?»

¹ Деисус — икона или группа икон, имеющая в центре изображение Христа Вседержителя, а справа и слева от него соответственно богородицы и Иоанна Крестителя, представленных в традиционном жесте молитвенного заступничества.

— Ты снова спасла меня, сестрица Милосерда, — слабо улыбнулся пересохшими губами князь.

Доброгнева лишь кивнула, не желая добавлять: «А надолго ли?», принесла укрепляющего средства, помогла князю приподнять голову, чтобы легче было напиться, и наконец выдала из себя одно-единственное слово:

— Спи.

— А он... — настороженно начал Константин.

— Нет, — ответила девушка, догадавшись, о чем тот хочет спросить, и вкладывая всю силу убеждения в это короткое слово, и на всякий случай, для вящего его успокоения, добавила: — Спи, а я у тебя в сторожах побуду.

— Он точно не...

— Точно, — кивнула она. — Дважды за одну ночь он никогда не приходит, к тому ж теперь ему не до тебя — самому бы улизнуть. Эвон какую охоту на него самого батюшка Перун учинил. — И кивнула за окно, где продолжала бушевать гроза.

Она не лгала, дав столь уверенный ответ. Во всяком случае, именно так рассказывала ей бабушка.

Правда, помимо этого она еще добавляла, что все равно его приход обязателен, как восход солнца. Если уж он пришел раз, то будет появляться вновь и вновь, и старухе не доводилось слышать, чтобы хоть кому-то удалось от него спастись.

С другой стороны, бабушка никогда не рассказывала Доброгневе и того, чтобы за одним человеком Хлад приходил трижды, хотя, скорее всего, просто потому, что редкий выживший после его первого визита непременно исчезал после второго.

Ожский князь уцелел и во второй раз. Что будет дальше — Доброгнева не знала, но сердцем чувствовала, что Хлад непременно придет и в третий, и уж тогда никакой оберег не выручит. Получалось, что сегодняшней ночью Константин получил лишь отсрочку.

Надолго? Кто знает. Может быть, они?

Доброгнева повернула лицо к образам в углу, еле видимым в тусклом свете лампы.

Лики, изображенные на них, колыхались в такт дрожа-

щему язычку пламени и не сулили ничего утешительного, во всяком случае, ни ей, ни князю.

Впрочем, и мрачных прогнозов она тоже не уловила. Богородица, Христос и Иоанн Креститель были по-детски безмятежны и простодушны.

И тут девушка поняла, что она сделает завтра и куда пойдёт. В этом заключалась ее единственная надежда на успех. Маленькая, просто крохотная, почти незримая, но она была.

Правда, Доброгнева знала и другое. Это будет очень страшно, ибо с нее непременно потребуют чудовищную плату, при этом, вполне вероятно, ничего не дав взамен, — такое тоже было возможно.

Все это она прекрасно понимала, но отойти в сторону, когда погибал не просто князь, которого она лечила, а ее названный брат, девушка просто не могла. И пусть ее сердце кричало от ужаса, а душа была объята страхом, но она не видела для себя иной дороги.

«Вот сейчас он успокоится, заснет, и тогда я пойду, — настраивалась она на неизбежное, но, когда тот и впрямь уснул, встать все еще не решалась. — Сон пока некрепок, — оправдывалась невесть перед кем девушка. — Стоит мне встать, как он сразу проснется. Нет уж, лучше я обожду до рассвета».

Так она и просидела в княжьей опочивальне остаток ночи, дожидаясь утра. И первое, что увидел Константин наяву после недолгого сна, — ее. Доброгнева отрешенно смотрела сквозь него куда-то вдаль и о чем-то напряженно размышляла.

Князь еле заметно пошевелил пальцами своей широкой пятерни. Движение было слабым, но Доброгнева сразу очнулась от раздумий, тут же вскочила с постели и бросилась к выходу.

Она не хотела встречаться с упрямо вопрошающим взглядом Константина, но не смогла пересилить себя и, уже открыв дверь, все-таки обернулась.

Надо было непременно сказать на прощание что-то ободряющее, но Доброгнева не знала, что именно. Однако и промолчать было невозможно, ибо это означало безысход-

ность, а названный братец так нуждался в поддержке и ободрении, чтобы надежда на спасение не увяла в нем окончательно.

— Сам чуток виноват, — сорвалось с ее языка. Она было осеклась, но, решившись, продолжила: — Почто за раной не следил — эвон сколь руды натекло. Ежели бы не я, тут тебе и без *него* бы к утру карачун пришел. Вот уж не помыслила бы нисколь, что ты токмо для того и отказался от моих настоев, чтоб меды хмельные пивать невозбранно...

Константин уныло вздохнул. Дернул его черт вслух назвать эту своенравную девку сестрой милосердия, теперь вот расхлебывай. Точно говорят, что язык мой — враг мой.

Но, с другой стороны, если бы не она, то хана и ему, и эксперименту, и, как неизбежное следствие, всей планете, так что...

Однако на сей раз распекала Доброгнева недолго, уже спустя пару минут сменив гнев на милость:

— Ныне на каждый средний палец вздень кольцо из серебра. Да не одних рук, а и ног тоже. Четыре кольца, и пятый — серебряный оберег на груди. Ежели что, то они подсобят тебе с им тягаться...

Константин кивнул и вновь с надеждой посмотрел на нее.

— И это вправду поможет? — недоверчиво шепнул он. — Ты вроде раньше о таком не говорила.

Девушка нахмурилась. Зачем она все это выпалила, она и сама не знала. Прибавить князю веры в свои силы? А проку? И что сейчас ей отвечать?

Хотела было сказать «да, поможет», но язык не повернулся — уж слишком наглая ложь. Вместо этого она неопределенно пожала плечами — так будет чуточку честнее, а там пусть понимает как хочет.

Ну не могла же она ответить ему, что все это бесполезно и глупо, что спасения нет, а есть только Чудо, которое она попытается ему принести, если, конечно, вообще вернется оттуда живой и если ей дадут его.

А князь продолжал ждать ответа, не удовлетворившись этим безмолвным пожатием плечами, и тогда Доброгнева все-таки пересилила себя, солгав: